

Через несколько лет были возведены притвор и часовня. По окончании строительства этих сооружений их интерьеры и наружную сторону западной стены церкви загрунтовали. По наблюдениям Сычева, грунт притвора «значительно толще и прочнее грунта церкви, отличается от последнего цветом. . . Кладка и грунт придела (часовни. — А. К.) совершенно аналогичны грунту. . . притвора»⁴⁰. Вскоре их расписали фресками.

По-видимому, тогда же в храме произвели мелкий ремонт (заложили круглые окна, замазали полуколонки аятов) и изобразили в нижнем поясе северной стены (под Воскрешением Лазаря) святых воинов в рост: Меркурия и, вероятно, Никифора⁴¹ (к началу XX в. эти изображения, ошибочно принятые Гордеевым за ктиторский портрет⁴², оказались почти полностью сбитыми). Дату выполнения всех перечисленных работ, вероятно, не следует отодвигать очень далеко от времени росписи самого храма, как предлагали некоторые специалисты (к середине, тем более к концу XIII в.).

Выстроенный Тиграном Оненцем комплекс возводился и расписывался в течение нескольких лет, вероятно около 10 или чуть больше. Его поэтапное строительство и украшение фресками, на наш взгляд, можно объяснить следующим образом. Помимо того что такого рода предприятие стоило немалых материальных затрат, главная причина заключалась, вероятно, в другом. По всему христианскому миру было принято изображать в храмах основные вехи всемирной истории. Согласно средневековым представлениям, подлинная история земного существования человечества начинается лишь с приходом в мир «спасителя», а закончится его вторым пришествием (судным днем). основополагающим изобразительным эквивалентом этих страниц мировой хроники были композиции христологического цикла.

Вероятно, вскоре после возведения церкви Тиграну Оненцу пришла идея расписать ее стены фресками, изобразив как праздники, так и сцены из жития патрона храма Григория Просветителя, т. е. эпизоды, связанные с распространением и утверждением христианства в Армении и сопредельных с ней областях. Эти эпизоды по логике следовали за событиями христологического цикла и предшествовали «дню гнева и воздаяния». Иными словами, их нужно было вклинить между начальными эпизодами истории мира, т. е. сценами праздников, и его завершающими днями, т. е. картинами Страшного суда. Житийные сцены, естественно влившись в единую канву росписи, призваны были прославить утверждение христианства в Армении в лице ее первого католикоса, равноапостольного Григория, и побуждали рассматривать это представлявшееся эпохальным событие национальной истории как неотъемлемую составную часть общемирового исторического процесса⁴³. Таким образом, роспись приобретала единую глубокую идейно-тематическую программу. Оставалось воплотить ее в жизнь.

Однако реализация столь грандиозного замысла затруднялась более чем скромными размерами церкви (приблизительно 10×13,5 м). Даже при том, что из праздничного цикла были выбраны только наиболее важные композиции и отобраны лишь самые главные эпизоды из истории Армении рубежа III—IV вв., места в храме для иллюстраций заключительных этапов мировой хроники не нашлось. Надо думать, это и побудило заказчика создать дополнительные площади для продолжения росписи, т. е., выстроив притвор, вынести на его стены картины последних дней мира. Для этого потребовалось время. И хотя фрески здесь выполнялись уже другими мастерами, внутреннее, логическое и догматическое, единство общего замысла росписей осталось неприкосновенным.

⁴⁰ Там же. Ф. 51. Ед. хр. 11. Л. 23.

⁴¹ Там же. Ф. 51. Ед. хр. 11. Л. 96 (имена восстанавливаются по остаткам греческих надписей). Н. Тьерри (The wall painting. . . Р. 68) называет их «группа святых в рост». По Банатеану (La fresque. . . Р. 59), здесь «ничего нельзя различить».

⁴² Гордеев Д. П. Отчет. . . С. 5.

⁴³ Каковкин А. Я. Роспись церкви Григория. . . С. 111—112; *Kakovkin A. Ja. Il significato degli affreschi della chiesa. . .* Р. 340—342.